

УДК 398.22(=352.3)(560)
DOI 10.25587/SVFU.2019.16.44316

М. М. Паштова
Университет Эрджиес

ТЕКСТЫ МЛАДШЕГО ЭПОСА В БЕСПИСЬМЕННОЙ ДИАСПОРНОЙ ТРАДИЦИИ: ЧЕРКЕСЫ ТУРЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются тексты младшего эпоса – историко-героические песни и предания, бытующие в среде черкесской диаспоры Турции, составляющие довольно обширный корпус и престижный репертуар локальной традиции одного из анклавов близ г. Кайсери. Исследование актуально в свете разработок в области локалистики и регионоведения, сопоставительного изучения функциональности фольклорных форм в условиях метрополии и диаспоры.

Цели исследования – обратить внимание на социальные факторы сохранности текстов эпического цикла в диаспорном анклав, существовавшем до недавнего времени без влияния письменной культуры, авторской литературы и профессионального сценического исполнительства народных песен. Задача исследования – выявить локальные особенности функциональности текстов и контекстных нарративов младшего эпоса в локальной традиции Узун-Яйла.

В заявленных аспектах тексты младшего эпоса, бытующие в среде черкесов Турции, рассматриваются впервые.

Материалы статьи собраны автором в течение 2009-2019 гг. Полевые методы: глубинное интервью, включенное наблюдение, фиксация на видео- и аудионосители, заметки в экспедиционном блокноте и на цифровых носителях. Методы исследования: сравнительно-сопоставительный, прагматико-семиотический, функциональный подход, дискурс-анализ.

Основные выводы исследования состоят в том, что в бесписьменной диаспорной традиции, существующей достаточно длительное время вне метрополии, наблюдаются определенные социально-исторические факторы, способствующие сохранности песен и преданий эпического цикла в живом аутентичном бытовании. В числе этих факторов – связь эпических текстов с глубинной коллективной памятью и групповой идентичностью носителей локальной культуры, специфически понимаемые местным сообществом социальные (языковые, сословные, гендерные) навыки и компетенции, прагматическая (этнопрезентативная) функциональность текстов эпического цикла.

Перспективность подобного рода исследований состоит в актуализации форм сохранности и трансформации традиционной фольклорной культуры, в т. ч. эпического наследия, в современных условиях урбанизации и глобализации.

Ключевые слова: черкесы, адыгэ, диаспора, Анатолия, Узун-Яйла, фольклор, локальная традиция, бесписьменная традиция, младший эпос, социально-прагматические функции.

М. М. Pashtova

The texts of the later epic in the non-written diaspora tradition: Circassians of Turkey

Abstract. The article views the texts of the later epic – the historical and heroic songs and traditions that exist among the Circassian diaspora of Turkey and make up the extensive corpus and a prestigious repertoire of the local tradition. The study is relevant in light of the developments in the field of the local and regional studies, the comparative study of the functionality of folklore forms in the metropolis and diaspora.

ПАШТОВА Мадина Михайловна – к. филол. н., ст. преподаватель каф. черкесского языка и культуры, Университет Эрджиес, Кайсери, Турция.

E-mail: mazako71@gmail.com

PASHTOVA Madina Mikhailovna – Candidate of Philological Sciences, Asst. Prof (Dr. Lecturer), Department of Circassian language and culture, Erciyes University, Kayseri, Turkey.

E-mail: mazako71@gmail.com

The main aims of the research are to pay attention to the social factors of the preservation of the texts of the epic cycle in the diaspora enclave which existed until recently without the influence of the written culture, the authorial literature and professional stage performance of the folk songs. The main objective of the research is to identify the local features of the functionality of texts and contextual narratives.

The texts of the later epic that exist among the Circassians of Turkey are considered for the first time in the declared aspects.

The materials of the article were collected by the author during 2009-2019. The field methods were in-depth interviews, participant observation, video and audio recording, notes in the expeditionary notepad and on the digital media. The research methods were the comparative, pragmatic, semiotic, functional approach, the discourse analysis.

The main conclusion of the research is that in a non-written diaspora tradition that has existed for quite some time outside the metropolis the certain sociohistorical factors are observed that contribute to the preservation of songs and legends of the epic cycle in a living authentic existence. Among these factors are the connection of the epic texts with the deep collective memory and group identity of the local culture speakers, social (linguistic, class, gender) skills and competences specifically understood by the local community, and the pragmatic (ethno-representative) functionality of the epic cycle texts.

The relevance of this kind of research is updating the forms of preservation and transformation of the traditional folk culture including the epic heritage in the modern conditions of urbanization and globalization.

Keywords: Circassians, Adyghe, diaspora, Anatolia, Uzunyayla, folklore, later epic, non-written tradition, social and pragmatic functions.

Введение

Черкесская диаспора Турции, рассредоточенная во всех регионах страны, составляет большую (80-90 %) часть этноса, образована в результате известных исторических событий середины XIX в. – окончания Русско-Кавказской войны и Стамбульского исхода. В течение полутора-векового периода, оторванного от исторической территории существования, здесь образовалось несколько крупных очагов черкесской (адыгской) культуры. Один из них – анклав Узун-Яйла, насчитывает около 70 селений близ г. Кайсери. Это локальная культурная традиция, над изучением которой мы работаем несколько лет, как в ходе фольклорно-этнографических экспедиций (2009, 2011, 2014, 2015), так и включенным наблюдением (2018-2019). Носители традиции, в настоящее время проживающие в вилайете Кайсери, многих крупных городах Турции и в Европе, возвращаются на свою «малую» родину в основном на летнее время и праздники. До начала урбанизационных процессов анклав продолжительное время жил изолированно, под минимальным влиянием инокультурного окружения. Этим обычно объясняют то обстоятельство,

Рис. 1. Экспедиция 2014 г. Ансамбль традиционного песнопения с. Мударей (Узун-Яйла, Турция). Исполнители эпоса Нагиль Коший, Ильхан Марзей, Нафих Марзей (Фото М. М. Паштовой).

что узун-яйлинцы являются наиболее последовательными приверженцами *Хабзэ* (этикета и традиций), носителями родного языка и особого субварианта черкесской (адыгской) культуры.

Узун-Яйла, как и всякая диаспорная традиция, тяготеющая к консервации знания, «привезенного с родины», обнаруживает свои, исторически и социально обусловленные формы бытования и трансмиссии этого знания – от «классических» устных жанров до современных общественно-бытовых дискурсивных практик, связанных с общим фольклорным контекстом. Для исследователей традиционной культуры и фольклора узун-яйлинское поле является уникальным источником верификации ряда важных научных вопросов и проблем.

Проецируя основные символические константы коллективной памяти о заселении этого анклава на корпус текстов устной традиции, мы заметим взаимосвязь иерархии текстов/жанров с иерархией локального сообщества. Эта корреляция в какой-то степени осознается и самими носителями, особенно в последнее время, когда в условиях развития медиа происходит процесс «глобализации» фольклора в пространстве региона (в нашем случае – диаспорной общины Турции).

Представление о престижности сообщаемой этнической информации является одним из важных коммуникативных факторов, влияющих на успешность фиксации фольклора. Под престижностью репертуара (текста, сообщаемой информации, статуса самого информанта) мы подразумеваем комплекс представлений носителей локальной культурной традиции, связанных с фольклорной памятью, с одной стороны, и рядом социально-гендерных компетенций – с другой. Соответственно, к престижным («мужским», «аристократическим») жанрам относятся, прежде всего, предания и героические песни, увезенные 150 лет назад с Кавказа во время Стамбульского исхода. Народная терминология маркирует их особым термином – *Хэку хьыбар* («предания [привезенные] с Родины»). Наши информанты, отвечая на вопрос, от кого они слышали сообщаемый текст, могут назвать имя старшего родственника или односельчанина, переселившегося с Кавказа. В этом контексте («высокостатусность репертуара») предок с родины расценивается носителями местной традиции как авторитетный источник. Наряду с эпическими текстами, к престижным жанрам относятся также философские притчи и паремии, мемораты об истории анклава и выдающихся людях.

Условия бытования эпических текстов в исследуемом нами диаспорном анклав привлекательны прежде всего потому, что в силу исторических причин (отсутствие контактов с исторической территорией – Кавказом, запрет со стороны властей на обучение родному языку) здесь не было письменных источников на кириллице, анклава достаточно долго существовал вне влияния профессионального сценического исполнительства фольклора. В этой связи представляется важным выявить локальные особенности семантики и поэтики текстов культурной традиции, в частности младшего эпоса, а также контекстных нарративов в их сопоставлении с материнской культурой. Выявление социально-коммуникативных факторов сохранности текстов эпического цикла может пролить свет на особенности функционирования фольклора в локальной диаспорной традиции, позволит проследить влияние стереотипных устных текстов на современные дискурсивные практики.

В заявленных аспектах тексты младшего эпоса, бытующие в черкесской диаспоре, рассматриваются впервые.

В исследуемый корпус текстов включены несколько тематических блоков, которые маркируются информантами как песни или предания, «привезенные с Родины», и которые входили в песенный репертуар мужского гостиного дома. Черкесский гостиный дом – особая социальная институция, функционирование которой обусловлено рядом социальных (языковых, сословных, гендерных) навыков и компетенций. Хачеш как пространство текстопорождения рассмотрен нами на примере бытования текста мифа о первотворении [1], устных рассказов о народном философе и реформаторе XVIII в. Жабаги Казаного [2]. В настоящей работе предметом исследования являются локальные особенности и прагматические функции ряда текстов другого эпического цикла – песен и преданий периода Русско-Кавказской войны.

Героические песни и предания: коллективная память и социальная прагматика

Как мы уже сказали, фольклор изучаемого анклава выстраивает особую иерархию текстов и героев, аналогично материнской традиции. Это касается прежде всего старинных песен-

плачей и контекстных нарративов о Русско-Кавказской войне, ее героях и антигероях: «Военная [походная] песня», «Кабардинское ночное нападение», «Песня о князе Кучуке Аджигирееве», предания о нем и о Магомет-Аше Атажукине, и другие тексты из цикла «хаджиретских». Это тексты, варианты которых широко представлены в фольклоре метрополии периода Русско-Кавказской войны [3-7].

Узун-яйлинские устные тексты, тематически относящиеся к этому периоду, актуализируют две исторические формы локально-групповой идентичности кабардинцев. Названием *хъэжрэт* (хаджреты, хаджиреты), как известно, стали обозначать так называемых «беглых» кабардинцев, ушедших в 1820-е гг. под предводительством князей Магомета-Аше Атажукина, Кучука Аджигиреева, Али Карамурзина и др. за Кубань. Термином *тлуацлэдэс* (букв. 'жители Междуречья') обозначают ту часть кабардинцев, которая не покинула Кабарду после установления в ней колониального режима [8, 9, 10]. Эта оппозиция вербализуется в локальных эпических текстах по-разному: *тлуацлэдэс / хъэжрэт*, *тлуацлэдэс / хуэдздэс*, *тлуацлэдэс / лабэдэс* 'междуреченцы / ходзинцы или междуреченцы / лабинцы' (т. е. переселившиеся на реки Ходз или Лабу¹).

Старшее поколение Узун-Яйлы отмечает отдельные селения, кварталы и фамилии анклава как «хаджиретские» или, наоборот, «междуреченские». Так, в селении Кабак-тепе (*Тамбийхъэблэ*), где междуреченцы и хаджиреты проживают бок о бок, будучи разделенными лишь протекающей между ними речкой, историческая групповая идентичность сохраняла свою актуальность до недавнего времени. Но проявлялась она преимущественно в детском быту, а именно в стереотипных дразнилках, призванных ритуально спровоцировать драку: *Тлуацлэдэсыр кхъуэсурэс, хъэжрэтыр жэнэтбзус!* 'Междуреченец – свиноподобный, хаджирет – райская птичка!'. При этом старики, как вспоминают наши информанты, с усмешкой говорили: «Ну что, побили они вас? Уалеи², мужеством с хаджиретами сравниться нелегко – во время войны на передовой воевали хаджиреты!» [11, инф. Дуран Шак, 1951 г. р., сел. Кабак-тепе. Соб. М. Паштова, Кайсери, 2011].

Примечательно, что в ситуации текстопорождения, когда рассказывается о том, «как разделились хаджиреты и междуреченцы», в одном случае из нашей полевой практики воспроизводился сюжет о нападении войска крымского хана на Кабарду, с заменой «крымцев» на «русских» [11, инф. Хасан Кебише, сел. Пынарбаши. Соб. М. Паштова, Кайсери, 2014]. Или, например, в одной из переданных нам аудиозаписей³ под названием «*Къэбэрдей хъэжрэтхэм я уэрэд*» («Песня кабардинцев-хаджиретов») причины Стамбульского исхода привязаны к большевистскому перевороту и вынужденной эмиграции вследствие его. Понятно, что здесь мы имеем дело с естественными для фольклорных экспликаций «искажениями» исторических фактов [11, инф. Шахин Тлуп, сел. Шежхабле. Соб. Сельчук Балкар (Баглар), 2005 г., Стамбул]. Основную причину разделения, раздора фольклорное сознание видит в выборе: покинуть колонизированную Кабарду или остаться, а также в том, что между хаджиретами и междуреченцами была внесена вражда извне, «путем обмана»:

- *Адыгэм фэ фалэпэццынкъым, къурназлыкъ евымыцлэм.*

- *Шо тлэ етицлэнур?*

- *Етицлэнур араси, зы шу зыхэвгъэкIи Хуэдздэсым дыгъэр цыкхъхэм блэкIыу, абы къэкIуэж шухэм яхуэзэрэ «Хуэдздэсым сыт цыкхъыбар?» жаIуу кыццеупцIкIэ, «Хуэдздэсым я махъсымэ пIацIэр куэдс, я лы пшэрыр гъэжъас. Махъсымэ пIацIэм йофэ, лы пшэрыр яих, къофэ-мэу'ри зэхэс. Уэлей, я тетыгъуэм!» – жыфIэ. Ар цызэхакIэ, абы я зэхуакум низыхъ кыхуэнс, зэныкхуэкху хъунси... Ярым сыхъэт къэгувэмэ, ярым сыхъэткIи фэ хуэдздэсыр хъэл фицIымэ, абы адэкIэ къэнам зыри кывацIэжыфынIым», – жери унафэ къахуецIыр станицэм* [11, инф. Шахин Тлуп, сел. Шежхабле. Соб. Сельчук Балкар (Баглар), 2005 г., Стамбул].

‘- С адыгами вам не совладать, разве что только обманом.

- Что же нам с ними сделать?

¹ Притоки р. Кубань.

² Уалеи, уалей, валлахи – клятва именем Аллаха.

³ Запись передана нам участником ансамбля народной песни г. Кайсери Хаканом Шак и позже выставлена в интернет. URL: <http://www.facebook.com/1.php?u=https://www.youtube.com/watch?v=XbZN4IVSQY>

- А то сделать... Пошлите одного всадника, на закате солнца когда будет проезжать мимо возвращающихся в Ходз всадников, если они спросят «Какие на Ходзе новости?», скажет пусть: «У ходзинцев махсымы [бузы] прозрачной много, их жирное мясо – жареное. Махсыму прозрачную попивают, мясо жирное едят, танцуют-пляшут. Уалей, у них славные времена!» – скажите. Когда [междуреченцы] это услышат, непонимание между ними встанет, станут соперничать... На полчаса если задержатся, за полчаса вы с ходзинцами если расправитесь, после этого остальные с вами ничего сделать уже не смогут», – сказал и такое распоряжение дал им станица¹ [пер. наш].

Дискурсивные структуры, актуализирующие оппозицию *тлуаццIэдэс / хьэжрэт* сопряжены также с памятью об очередности заселения новых территорий, важной с точки зрения выстраивания групповых иерархий в Узун-Яйле. Этот аспект требует дополнительных полевых разысканий, но очевидной на первый взгляд является демонстрация междуреченцами преимущественного права на территорию, как заселившимися в Узун-Яйлу раньше, чем хаджиреты. В целом нужно отметить, что об особых ментальных различиях между двумя этими субгруппами можно говорить очень условно, и они постепенно утрачивают свою актуальность, вытесняясь в пассивную память. Так, наши информанты называли прежде всего некоторые языковые и ритуальные отличия, подчеркивая при этом их незначительность. Например: «мы говорим *гъуг'э* (зеркало – *М. П.*), а хаджиреты говорят *гъунг'э*» [11, инф. Нармие Кушбоко, 1939 г. р., сел. Кархалак. соб. М. Паштова, Кайсери, 2014]; «хаджиреты знают только одно турецкое слово – *тезэк* (кизяк)» [11, инф. Фикри Кушха, 1929 г. р., сел. Кархалак. Соб. М. Паштова, Кайсери, 2018].

Попутно отметим, что оппозиция *тлуаццIэдэс/хьэжрэт* на этнической территории (в метрополии) утратила свою историческую семантику. Коллективная память исторических хаджиретов – зеленчукских и лабинских кабардинцев – сохраняет скорее лишь формальное обозначение, десемантизированное слово. Актуализация локальной идентичности обусловлена советским административным делением на «кабардинцев», «черкесов» и «адыгейцев» (жителей трех республик – Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика и Республика Адыгея).

Как для фольклора метрополии, так и для узун-яйлинской традиции образы героев рассматриваемого эпического цикла образуют своеобразную иерархию. Наиболее узнаваемый и популярный – образ хаджиретского князя Магомета-Аше Атажукина (*ХьэтIохъуцокъуэ Мыхьэмэт-Iэшэ*). Известная историческая личность, его имя упоминается во многих источниках периода Русско-Кавказской войны [12, с. 197; 13, с. 356-358; 14, с. 138-143; 15, с. 80, 117]. В исторических документах и фольклорных сборниках герой упоминается как Магомет-Аш, Мохаммед-Аше-Атажуко, Магомет Колчерукий, Магомет Короткурукий, Сухорукий. Так, Флориан Жиль пишет: «У переселившихся черкесов и кабардинцев был один герой, князь Мохаммед-Аше-Атажуко. Одновременно рыцарь и поэт, он был идеалом всех черкесов, видевших в нем олицетворение мужества» [15, с. 138].

Несмотря на то, что устные рассказы о Магомете-Аше как в диаспоре, так и в материнской традиции представляют собой развитый самостоятельный цикл с устойчивыми сюжетами и мотивами, с классическими признаками фольклоризации исторического персонажа, отдельной героической песни-плача, посвященной этому герою, все же не существует. Как объяснить тот факт, что одному из самых популярных героев фольклора посвящены отдельные строфы в героических песнях о Русско-Кавказской войне, но песни его имени до настоящего времени зафиксировать не удалось? Возможно, текст не сохранился – ни в метрополии, ни в диаспоре. Однако это обстоятельство все же легче объяснить этнографическими особенностями, прагматикой функционирования (порождения, передачи) текста в конкретных социально-исторических условиях. Так, комментируя публикуемую в газете «Адыгэ макъ» песню о Кучуке Аджигерееве, редактор Нурий Цагов пишет следующее: *ИпэкIэ хэт лIыгъэ ицIэмэ зи нэхъыжьыгъуэм и цIэкIэ ирагъэусырт. ХьэтIохъуцокъуэ Мыхьэмэт Iэшэц мыр зи уэрэдыр* 'В старину кто бы

¹ Слово «станца» первоначально обозначало живущего в казачьей станице или крепости русского военачальника. В данном тексте информант сообщает о некоем предателе – офицере из числа самих черкесов.

[из отряда] ни совершал подвиг, [песню] заказывали на имя старшего. Эта песня о Хатакшоко Магомете Криворуком (цит. по: [3, с. 579] пер. З. М. Налоева), хотя названа она именем Аджджерия сына Кушукупша.

Основные сюжетные мотивы нарративных текстов о Магомете-Аше, зафиксированные в локальной традиции Узун-Яйла: «как Аше лишился руки», «Аше и женихи княжны» (испытание мужества; сюжет фиксировался в метрополии и опубликован в сборнике фольклорных текстов, опубликованном М. Мижаевым [16, с. 14, 326], а также лег в основу известной литературной новеллы Т. М. Керашева [17, с. 538]), «Аше и княжна» (сватовство), «старый конь Аше» (спасение раненых на поле боя), «Аше и князь Кучук» (кто выше), «Аше и Кучук» (безрассудство и мужество не одно и то же), «Аше и его брат» (кто бесстрашнее, вар.: «Аше и его сын»), «Смерть Аше» (предательство), «Что Аше сказал атажукинцам» (недостойные потомки).

ХьэтIохъуцокъуэ Мыхьэмэт-Ишэус» зэрысцIэр. Зауэм цызауэурэ и Iэр къауIауэ, пылэлэ, тIэкIунитIэ и фэм илыгъыжу, шым тесу, и къуажэ псынэм деж къыщыувыIэжым, и къэшэным, псынэм тету, «псы къызэт» жери, къыIихри... И Iэблэр къыщылъагъум, мэхас, жи, и къэшэныр. Езым и г'атэ кIэцIыр кърихс, пупцI, иригъэхуэхри, къуажэм къыдыхъэжри... Абы цужь «Мыхьэмэт-Ишэу» и цIэр ахуэдэ Iуас. Iэджэрэ дээр зэришэжас, жи, абы цужь [11, инф. Мамет Карашей, 1962 г. р., сел. Шерефие (Астемырей). Соб. М. Паштова, М. Табишев. Шерефие, 2009].

‘Я знаю как «Магомета-Аше» [Однорукого]. Сражался в бою и ранил руку, с еле висящей на коже [рукой], сидя на коне, он у аульского родника когда остановился и у стоящей возле родника своей невесты попросил «дай воды», и взял... Увидев его руку, она упала без чувств, говорят, его невеста. А сам он вынул свой короткий меч, отрезал [руку], сбросил и вернулся в аул... После этого его имя стало известно как «Магомет-Однорукий». Долго еще он водил войска, говорят, после этого’ [пер. наш].

Один из распространенных мотивов – соперничество между военачальниками, предводителями хаджиретов:

– *Кушыкупц и шым и цхьэр зэрыхуэ гъуанэм шы гуартэр къисхунс! – жиIыт, жи, <Мыхьэмэт-Ишэ>. Апхуэдэ згуэри игъэзэцIауи жасIэ. И [шы]пцэм фIэлъу, шы гуартэр зэрым Iуэр IуицIыкIс аби, шы гуартэр къыхури къэкIуэжат, жи, «згъэзэцIэнс!» жери.*

НафIэ яцIау, дээр ягъэтиIасау, Кушыкурэ Мыхьэмэт-Ишэрэ пхъэ нафIэм пэрысхэт цIакIуэкIэ, жи, нэгъуэцI згуэрэ къадэлпыкьунэри цысыуи... Лпыгъэ<кIэ> зонькьуэкьунэ мыувыIауи... Сыщымыуэм, Кушыкурас, зы Iэбжыб шэ къицтэри мафIэм пэрикIутас, жи, къэуэнэ. Адрейуэ хъуар зэбгырыжас, жи, зыр, цIакIуэм кIуэцIысу Мыхьэмэтыр, къанэри... Хьэуэ, Мыхьэмэтыри цIэпхуас... Кушыкур – а пэрызыкIутар – цысти, къауэс-науэри, цигъэтыжс, къекIуэлIэжхэри... «Уэлей, лыгъэ уимыIэ, шитIым уигъэшынас!» – цыжиIым <Кушыку>, «делэгъэмрэ лыгъэмрэ зыхомыгъэзэрыхъ!» – жиIас, жи <Мыхьэмэт-Ишэ> [11, инф. Мамет Карашей, 1962 г. р., сел. Шерефие (Астемырей). Соб. М. Паштова, М. Табишев. Шерефие, 2009].

‘– Сквозь дыру, в которую пройдет лишь голова коня Кучука, я прогоню [целый] табун! – говорил [Магомет-Аше]. И, рассказывают, сделал что-то подобное. Проломил [ограду] загона с лошадьми, и с [плетнем] на шее у коня пригнал табун лошадей и вернулся, говорят, сказав «я смогу!».

Разведя костры, расположив войско, Кучук и Магомет-Аше сидели у огня в бурках, рассказывают, в присутствии каких-то других своих помощников... Постоянно соперничают [же] в мужестве... Если не ошибаюсь, это Кучук, одну горсть патронов взял и высыпал в костер, рассказывают, [чтобы] взорвалось. Все остальные разбежались, а один, Магомет, остался сидеть в бурке... Нет, и Магомет отбежал... Кучук – тот, что высыпал – сидел. Повзрывалось, прекратилось, и они вернулись [к костру]... «Уaley, нет в тебе мужества, двух пуль испугался!» – когда сказал [Кучук], «глупость и мужество не путай!» – ответил, говорят, [Магомет-Аше]’ [пер. наш].

Тексты эпического цикла, в частности о Магомете-Аше, актуализируют в коллективной памяти ряд важных ценностных категорий рыцарской этики (*уэркъ хабзэ*), в числе которых мужество, храбрость, выдержанность, выносливость, скромность. Благородство, «достойное

времен христианского рыцарства», надежность и верность боевым товарищам как черты характера исторического Аше отмечаются и в источниках XIX в.: «В 1846 году, сопровождаемый лишь тринадцатью такими же, как он, решительными воинами, он захотел совершить нападение на сам Ставрополь, что было поступком дерзким, стоившим ему жизни. Было проведено о его приближении; скоро он был окружен нашими казаками. Князь, сказавший своим спутникам, что вернет их “живыми или мертвыми”, совершил пред ними краткую молитву и бросился на кольцо, его окружавшее. Он прорвал его, но заметил, что оказался без своих людей; возвратился, прокричал им вселяющие бодрость слова и вновь присоединился к ним. Он трижды возвращался и вновь сходил с ними. Слышны были его крики ободрения. Все более и более теснимый, он погибает вместе со всеми своими спутниками» [14, с. 141].

В локально-фольклорных рефлексивах такое качество как *надежность* эпического героя связано с тем, что он не оставлял на поле боя тела убитых и раненых. Узун-йялинские рассказы о Магомете Атажукине, в которых мы наблюдаем фольклоризацию образа самого исторического героя, наделяют также антропоморфными и мифологическими чертами его коня: старый (тридцатилетний) сивый конь Аше зубами вытаскивал с поля боя тела погибших и раненых [11, инф. Фикри Кушха, 1929 г. р., сел. Кархалак. Соб. М. Паштова, Кархалак, 2014].

Кроме названных выше рыцарских качеств, умение участвовать в словесных поединках, говорить иносказательно, импровизировать также считается важными мужскими компетенциями. Они и актуализируются как определенные социальные навыки, которыми должен обладать черкес (адыг).

Для локального диаспорного сообщества осведомленность в этой области народных знаний является важным элементом групповой идентичности:

Хъатыжъыкъо Іащэр цъхъид зыцыхъугъэ трафэр къызыпІокІэ – зы, сІуагъэ, – Хэкум шгузесым шгуздэщысыгъэ чІыпІэр къызыпІокІэ – тІу, – сІуагъэ – о узакъоп, зэрэчылэу ар ялажъ, – сІуагъэ, – Саусырыкъоди Іухъагъэу, «чэмы<хъ>жъыкърэлъф, хъамэ къылъфыгъэр кыгъэкІ!» къезыІуагъэр къапІомэ – цы, шукъыздежъэгъэ тарихъыр – мипІлэр къызыпІоджэ, – сІуагъэ, – къызэрэпІорэм фэдэу шгуадыгІ!» [18, с. 338].

‘Если ты [сможешь] сказать, в какой стороне Хатажуко Колчерукий погиб героически – [это] первое, – я сказал, – если сможешь назвать место, где [ваше селение] располагалось, когда жили на Родине, – [это] второе, – не тебя одного, это всех [адыгов] долг, – я сказал, – если скажешь, кто, подъехав к [воротам] Саусырыко¹, [осмелился] крикнуть ему «старого пастуха потомок, собакой рожденный, выходи!» – [это] третье, откуда идет вашего [рода] история – эти четыре [ответа] если дашь, – я сказал, – если [сможешь] назвать, тогда ты адыг!’ [пер. наш].

Интонация рассказывания эпических текстов в исследуемой локальной традиции приближена к интонации преданий, иногда – меморатов (воспоминаний), а образы героев рассматриваемого эпического цикла, живших около двухсот лет назад, воспроизводятся в рассказах информантов как образы живших недавно людей. Для некоторых из сюжетов характерен анахронизм: факт фольклорный может допустить невозможное с точки зрения исторической хронологии, например, приезд в Узун-Йялу героя, погибшего в середине XIX в. на Кавказе. По одному из таких нарративов, Магомет-Аше приехал в селение Атажукино и не захотев выпить и глотка кофе, покинул кунацкую со словами: [...]-тІымрэ [...]-тІымрэ къахуэнэжа хъэтІохъуыцкъуейр фылІапхъэцІ! [11, инф. Пекиза Агой, 1928 г. р., сел. Малое Атажукино. Соб. М. Паштова, Кайсери, 2018] ‘Двум [...] -вым и двум [...] -вым² на попечение оставшиеся атажукинцы, вы все равно что вымерли!’ [пер. наш].

Как мы можем отметить, в контексте устных рассказов о Магомете-Аше, так же, как и в материнской традиции (в метрополии), упоминается имя князя Кучука Аджигиреева, второго в узун-йялинской иерархии хаджиретского героя. Ему, как мы сказали выше, посвящена отдельная *гыбза* – песня-плач. Узун-йялинский материал подтверждает версию о том, что сочинила ее жена героя во время обрядового оплакивания:

¹ Главный герой нартского эпоса.

² Называются две известные в Узун-Йяле фамилии.

Иг'ы, Кушыкупцым уэрэд илэс. Уэрэдыр жагэ. Кушыкупц и фызым и цлэр пцлэрэ? Кумбылхъан... Кумбылхъант абы и цхэгэгусэм и цлэр.

*«Уэркъ шухэр цышэсклэ,
шу г'аклүэхэр зыклэагаклүэ» –
жери кьреггажэ уэрэдым.*

*Уэрэдыр зыусар Кумбылхъанс. Кушыкупц ла нэужьым гыбзэ иусас. «Ажг'эрийнэ я сэ-
реишхуэм хээж-молэнэм дыуэр кыицацл, тумэ тлуанэр кыистумыцлатэмэ, жыр лэныстэклэ
зыпхуэслэжынт» жи. <...> «Тауһэ фи Жэбагыфлыр хэт мыггуэм кыфхуишэжын?» жери
ари зы едзыгуэт, и нэр сицлэжырым.*

*«Танг'ыурэ си дыцэ пылэр
фыдэлейуэрэ кьевгэклүэтэх,
уэр, дакхахэм севгэтлысыллэ,
си пцы хьэдэр сэвгэгъеиж» жи.*

[19, с. 64]

‘Иг’ы¹, у Кучука есть песня. Песню поют. Кучука жены имя знаешь? – Кумбылхъан. Ее звали Кумбылхъан.

«Когда уоркские всадники на коней садятся,
за кем гонцов [приглашающих] посылают» –
так начинается песня.

Песню сочинила Кумбылхъан. После смерти Кучука сочинила гыбзу.

«У Аджигиреевых в большом дворе хаджи-муллы молитву читают, если бы ты вторую [воз-
любленную] не завел, стальными ножницами ради тебя я себя убила бы», – поет. <...> «Таовых
Жабаги славный, кто его, о горе, вернет?» – был такой куплет, начало не помню.

«Шлемоподобную мою золотую шапочку,
Дотянувшись, на бок склоните,
Ор, у входа² дайте присесть,
Своего князя дайте оплакать» поет’ [пер. наш].

На сегодняшний день, по нашим сведениям, существует единственный аутентичный ан-
самбль традиционного песнопения, в репертуаре которого сохранились эпические песни и нар-
ративы рассматриваемого цикла. Это ансамбль старожилов селения Мударей. Его участники
– Нагиль Коший, Ильхан Марзей и Нафих Марзей – известны в этой местности не только как
певцы, но прежде всего как одни из последних носителей устной истории черкесов и знато-
ков *адыгэ хабзэ* (морально-этического кодекса), *уэркъ хабзэ* (рыцарского кодекса). Эти инфор-
манты входят в список наиболее авторитетных сказителей узун-яйлинской традиции. Песни
в исполнении ансамбля не раз записывались профессиональными фольклористами и собира-
телями-любителями, а также журналистами. Записи с голоса этих сказителей лежат в основе
музыкально-фольклорных реконструкций местного молодежного ансамбля «Maze», который
функционирует при черкесской общественной организации «Kayseri Kafkas Derneği» («Ассо-
циация Кавказа в Кейсери») г. Кайсери.

Заключение

Итак, тексты младшего эпоса бытуют в Узун-Яйле как пример «живой» устной традиции
в условиях контактной коммуникации, а также посредством современных средств фиксации
(аудио и видео, интернет) включены в активные общественно-бытовые дискурсивные практи-
ки, являются одним из элементов этнической идентичности. Повышенная социальная функци-
ональность эпических текстов – характерная черта диаспорной культуры. В последние годы
со стороны черкесов диаспоры наблюдается активный интерес к письменности и письменным
текстам, продуцируемым в метрополии (на Кавказе). Но изучаемая локальная традиция, нужно
полагать, единственная из числа тех, что были объектом внимания адыгovedческой науки, обна-
руживает на сегодня непосредственные формы трансмиссии эпических текстов.

¹ Иг’ы – несмысленное слово, букв. «теперь».

² В оригинале *дакхахэм* – на «нижнем» месте у двери, противоположном почетному («верхнему») месту (*жыантлэ*).

В условиях черкесского диаспорного поля идентификационная функция архаических, «классических» жанров фольклора выступает одной из основных. Носитель «высокого» эпического репертуара актуализирует свой социально-гендерный статус, локально-культурную, локально-фольклорную идентичность («во всей Турции эти песни знаем только мы» [11, инф. Нагиль Коший, 1926 г. р., сел. Мударей. Соб. М. Паштова, Мударей, 2014]).

Тексты эпического цикла актуализируют в коллективной памяти диаспоры ряд важных ценностных категорий рыцарской этики (*уэркъ хабзэ*), в числе которых мужество, выносливость, скромность, уважение к женщине, надежность: *Игъуэр ишэчрэ игъуэджэр имыдэмэ, лыгъэ жыхуа!эр арат* [11, инф. Заки Иуан, 1932 г. р., с. Хапашей. Соб. Якуб Темель, Интернет, 2017]. 'Сносить тяготы и не выносить несправедливость'¹ – вот что считалось мужеством' [пер. наш].

В странах проживания диаспоры черкесы наделяются иноэтническим окружением рядом аналогичных стереотипических качеств, и стремление соответствовать этим исторически устоявшимся представлениям по сей день остается в числе важных идеологем диаспорного сообщества. Таким образом, ценности, актуализируемые фольклорными, в частности, эпическими текстами поддерживаются в изучаемом сообществе не только исторической памятью и культурной идентичностью, но и социальной прагматикой.

Литература

1. Паштова М. М. Версия космогонического мифа в фольклоре черкесов Анатолии // Вестник науки АРИГИ. – № 13. – Майкоп, 2017. – С. 36-42.
2. Паштова М. М. Жабаги Казанок в фольклорной культуре черкесов (адыгов) Турции (на материале экспедиций 2009 и 2011 гг.) // Вестник КБИГИ, №1 (21). – Нальчик, 2014. – С. 66-75.
3. Адыгские песни времен Кавказской войны. 2 изд., доп. – Нальчик: Печатный двор, 2014. – 656 с.
4. Немеркнувшие звезды = МыкӀосэрэ жъуагъохэр: сб. историко-героических песен / сост. А. А. Схалыхо. – Майкоп: Адыгейское республиканское кн. изд-во, 1994. – 334 с. (на адыгейском яз.).
5. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 1 / Под ред. Е. В. Гиппиуса. – М.: Советский композитор. – 1986. – 264 с.
6. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 2 / Под ред. Е. В. Гиппиуса. – М.: Советский композитор. – 1990. – 488 с.
7. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 25. Отд. 3. – Тифлис: Тип. Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1898. – С. 153-328.
8. Фадеев Р. А. Кавказская война. – М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. – 635 с.
9. Алоев Т. Х. Очерки политической истории хаджретской Кабарды в первой половине XIX в. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 126 с.
10. Хотко С. Х. Хаджретова Кабарда: кубанские кабардинцы в контексте этнополитической истории Черкесии // Лики адыгского прошлого (историческое приложение к газете «Адыгэ макъ»). Вып. №№ 20 (79) – 5 (88). – Майкоп, 2013. – С. 3-6.
11. Материалы экспедиций 2009, 2011, 2014, 2015, 2018 гг. (р-н Узун-Яйла, Кайсери) // Личный архив М. М. Паштовой. Фонд аудио- и видеозаписей, папка «Узун-Яйлэ».
12. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 2: Время Алексея Петровича Ермолова. 1816-1826 годы / Под ред. генерал-майора Потто. – Тифлис: Тип. штаба Кавказского военного округа, 1904. – 590 с.
13. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М.: АИРО–XXI, 2008. – 456 с.
14. Жиль Ф. А. Письма о Кавказе и Крыме / Сост. и пер. с франц. К. А. Мальбахова. – Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. – 288 с.
15. Дубровин Н. Черкесы (адыге). – Краснодар: Изд-во Общества изучения Адыгейской автономной области, 1927. – 416 с.
16. Адыгэ хъыбархэр / зыхэзыльхьар, пэублэ тхыгъэр, комментариэхэр зытхар Мыжей Михаилш; ред. Гъут I. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1986. – 360 н. (на черкесском яз.).
17. Керашев Т. М. Урок жизни. Новелла // Тембот Керашев. Избранное / Предисл. У. М. Панеша. – Майкоп: Адыгейское республиканское кн. изд-во, 1997. – С. 583.
18. Тыркуем ис адыгэхэр. Ёрыуатэр = Фольклор адыгов Турции: сб. текстов / под ред. Р. Б. Унароковой. – Майкоп: Адыгея, 2004. – 580 с. (на адыгейском яз.).

¹ В оригинале труднопереводимое слово *игъуэджэ* – «то, чего быть не должно, с чем нельзя соглашаться».

19. Anadolu'da Çerkes Kültürü: Halkbilim Alan Araştırması Materyalleri. Derleyen, Önsözve Yorumlar: M. M. Pashtova. – Ankara: Kafdav Yayıncılık, 2017. – 144 s. (на черкесском яз.)

References

1. Pashtova M. M. *Versiya kosmogonicheskogo mifa v fol'klоре cherkesov Anatolii* [The versions of the cosmogonic myth in the Circassian folklore]. In: *Vestnik nauki ARIGI* [Bulletin of the Republican Institute for the Humanities Research of Adyghea]. No. 13, Maikop, 2017, pp. 36-42.

2. Pashtova M. M. *Zhabagi Kazanoko v fol'klорnoi kul'ture cherkesov (adygov) Turtsii (na materiale ekspeditsii 2009 i 2011 gg.)* [Zhabagi Kazanoko in the folklore culture of Circassians (Adyghe) of Turkey (on the materials of 2009 and 2011 expeditions)]. In: *Vestnik KBIGI* [Bulletin of the Institute for the Humanities Research of the KBSC of the RAS]. No. 1 (21), Nalchik, 2014, pp. 66-75.

3. *Adygskie pesni vremen Kavkazskoy voyny. 2 izd., dop.* [The Adyghe (Circassian) songs of the Caucasian war period. Ed. 2, supplemented]. Nalchik, Pechatnyi dvor, 2014, 656 p.

4. *Nemerknushchie zvezdy: sb. istoriko-geroicheskikh pesen* [The unfading stars: the heroic songs treasury]. Sost. A. A. Skhalyakho. Maikop, Adygeiskoe respublikanskoe kn. izd-vo, 1994, 334 p. (In Adyghe lang.)

5. *Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov. T. 3. Ch. 1* [The folk songs and instrumental melodies of Adyghe (Circassians). Vol. 3. Part 1]. Pod red. E. V. Gippiusa. Moscow, Sovetskii kompozitor, 1986, 264 p.

6. *Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov. T. 3. Ch. 2* [The folk songs and instrumental melodies of Adyghe (Circassians). Vol. 3. Part 2]. Pod red. E. V. Gippiusa. Moscow, Sovetskii kompozitor, 1990, 488 p.

7. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Vyp. 25. Otd. 3.* [The descriptions of the Caucasian terrains and tribes compilation. Iss. 25. Part 3]. Tiflis, Tip. Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1898, pp. 153-328.

8. Fadeev R. A. *Kavkazskaya voyna* [The Caucasian war]. Moscow, EKSMO: Algoritm, 2003, 635 p.

9. Aloev T. Kh. *Ocherki politicheskoi istorii khadzhet'skoi Kabardy v pervoi polovine XIX v.* [The notes of the political history of the Hadzhet Kabardey of the first half of the XIX century]. Nalchik, Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017, 126 p.

10. Hotko S. *Khadzhetova Kabarda: kubanskіe kabardinty v kontekste etnopoliticheskoi istorii Cherkessii* [The Khadzhet Kabardey: the Kuban Kabardian people in the context of the ethnohistorical history of Circassia]. In: *Liki adygs'kogo proshlogo (istoricheskoe prilozhenie k gazete "Adyge mak")* [Faces of the Adyghe's past (the historical supplement to the "Adyghe Maque" newspaper)]. No. 20 (79)-5 (88). Maikop, 2013.

11. *Materialy ekspeditsii 2009, 2011, 2014, 2015, 2018 gg. (r-n Uzun-Yaila, Kaiseri)* [Materials of the expeditions 2009, 2011, 2014, 2015, 2018 (Uzunyayla area, Kaiseri)]. In: *Lichnyi arkhiv M. M. Pashtovoi. Fond audio- i videozapisei, papka "Uzun-Yaile"* [The private archive of M. Pashtova. The audio and video records collection, Uzunyayla file].

12. *Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze. T. 3. Ch. 2: Vremya Aleksey Petrovicha Ermolova. 1816-1826 gody* [The statement of the Russian rule in the Caucasus. Vol. 3. P. 2: Alexey Petrovich Ermolov's time. 1816-1826]. Pod red. general-maiora Potto. Tiflis, Tip. shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1904, 590 p.

13. Tornau F. *Vospominaniya kavkazskogo ofitsera* [Memoirs of the Caucasian officer]. Moscow, AIRO-XXI, 2008, 456 p.

14. Gille F. A. *Pis'ma o Kavkaze i Kryme* [The notes of Caucasus and Crimea]. Sost. i per. s frants. K. A. Mal'bakhova. Nalchik, GP KBR RPK, 2009, 288 p.

15. Dubrovin N. *Cherkesy (adyge)* [Circassians (Adyghe)]. Krasnodar, Izd-vo Obshchestva izucheniya Adygeiskoi avtonomnoi oblasti, 1927, 416 p.

16. *Adyge khybarkher. Zykhezylykh'ar, peuble tkhygher, kommentariyekher zyt'khar Mizhei Mikhailshch; red. A. Ghut* [Circassian folk tales. Compilation, foreword, notes by Michail Mizhaev; edited by Adam Ghut]. Cherkessk, Karachaevo-Cherkesskoe otd. Stavropol'skogo kn. izd-va, 1986, 360 p. (In Circassian lang.)

17. Kerashev T. M. *Urok zhizni. Novella* [Life Lesson. Short story]. In: *Tembot Kerashev. Izbrannoe* [Tembot Kerashev. The selected works]. Predisl. U. M. Panesha. Maikop, Adygeiskoe respublikanskoe kn. izd-vo, 1997, 583 p.

18. *Tirquem is Adygheher. Worywater = Folklor adighov Turtsii: sb. tekstov. Pod red. R. B. Unarokovoy* [The folklore of the Circassian diaspora in Turkey: the texts compilation. Ed. by R. B. Unarokova]. Maykop, Adygeya, 2004, 580 p. (In Adyghe lang.)

19. *Anadoluda Cherkes Kulturü: Halkbilim Alan Arashtirmasi Materyalleri. Derleyen, Onsozve Yorumlar: M. M. Pashtova* [The Anatolian Circassians' culture: the materials of the field researches. Compilation, foreword and notes by M. Pashtova]. Ankara, Kafdav Yayıncılık, 2017, 144 p. (In Circassian lang.)